

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ФАКТОРЕ ПРИ СУИЦИДАЛЬНЫХ ПОПЫТКАХ У ЖЕНЩИН

М. Х. Кажаров

ГУЗ психоневрологический диспансер МЗ КБР

Кросс-культурные исследования указывают на широкую вариабельность уровня суицидов во всем мире (17), отчетливые этнические различия в частоте суицидальных попыток (23) и их своеобразии в поликультурных регионах (17, 24, 25). Рост самоубийств и суицидальных попыток рассматриваются как отражение культурного неблагополучия современных западных обществ (20). При этом наибольшая распространенность суицидов наблюдается в среде иммигрантов (26).

В большинстве стран суицидальные попытки преобладают у молодых женщин (27), что связано с большей выраженностью интернальности агрессии у женщин, чем у мужчин, при интрапсихических и интерперсональных конфликтах (19). Факторами суицидального риска у женщин чаще выступают социальное неблагополучие, детские несчастия, дефекты социализации, подверженность стрессу, злоупотребление алкоголем (16), семейные конфликты (21), физическое и психологическое насилие (18). Суицидоопасность многократно увеличивается при комбинации этих факторов.

В качестве предикторов суицидального поведения выделяются такие культурные измерения, как маскулинность, дистанция власти, индивидуализм, избегание (28). Отмечается роль диффузной этнической идентичности в генезе суицидов (22) и других аутодеструктивных форм поведения (3).

Несмотря на значительное количество работ, посвященных этнокультурным аспектам самоубийств, их роль в суицидологии остается недостаточно изученной. Между тем именно они определяют принятые в данной культуре формы реагирования на стресс, понятия нормативности или ненормативности суицидов, специфику мотивов самоубийств (11).

В современном российском обществе в условиях снижения уровня социальной идентичности, на первый план выходит этничность как важная форма идентификации личности (7), что вызывает необходимость выявления тех культурных паттернов поведения, которые, приобретая дисфункциональный характер, способствуют формированию суицидальных попыток.

Актуальность исследования межкультурных аспектов самоубийств связана с полиэтничностью состава населения России и достоверностью различий в частоте самоубийств у разных этносов, живущих в сопоставимых социальных условиях (11). До настоящего времени кросс-культурные суицидологические исследования в северокавказском регионе не проводились.

Целью настоящего исследования было изучение культурных различий суицидальных попыток у психически здоровых женщин двух наиболее многочисленных этносов (кабардинского и русского), проживающих на территории Кабардино-Балкарской республики.

Материал и методы исследования

Исследовано 100 суицидентов женского пола в возрасте от 15 до 59 лет, большинство из которых поступило по поводу суицидальных попыток в городскую клиническую больницу города Нальчика.

Распределение суицидентов по возрастам было следующим: 15–19 лет – 34 наблюдения (34%), 20–29 лет – 38 (38%), 30–39 лет – 12 (12%), 40–49 лет – 10 (10%), 50–59 лет – 6 наблюдений (6%). Средний возраст – $27 \pm 1,18$.

Высшее образование имели 7 человек (7%), среднее и среднее специальное – 83 человека (83%). Преобладали неработающие – 40 (40%), студенты средних и высших учебных заведений – 28 (28%). Учащиеся средних школ составили 12 человек (12%).

В подавляющем большинстве наблюдений в качестве способа суицидальной попытки использовалось отравление: медикаментозное – 84 человека (84%), отравление уксусной кислотой – 6 (6%). В 6 наблюдениях (6%) имели место самопорезы, в 4-х – самоповешения.

По этническому признаку суициденты распределились следующим образом: кабардинки – 60 человек (60%), русские женщины – 40 человек (40%).

Обе этнические группы были сопоставимы по возрасту, образованию и социальному положению. Включенные в исследование суициденты женского пола ранее к психиатрам не обращались и на мо-

мент обследования были признаны психически здоровыми.

Основной метод исследования – клинико-психологический с использованием составленной нами карты суицидологического исследования.

Структурно-динамическое кросс-культурное исследование суицидальных попыток осуществлялось с учетом таких параметров как тип и содержание суицидогенного конфликта, характер непатологической ситуационной реакции, мотивы покушения на самоубийство, модальность аффективных переживаний в пресуицидальном периоде, способ реализации суицидальной попытки, отношение суицидента к совершенной суицидальной попытке.

Анализ суицидальных попыток проводился с опорой на представления о самоубийстве как феномене социально-психологической дезадаптации, понятие конфликта, занимающего центральное положение в рассматриваемом акте (1, 2), классификацию суицидальных проявлений (14), принятые в отечественной суицидологии. Реконструкция пресуицидального периода сопровождалась вычленением (идентификацией) преобладающих эмоций в спектре переживаний душевной боли согласно представлениям Э.Шнейдмана (15) о содержательном многообразии этого феномена, предшествующего суицидальной попытке.

Для оценки достоверности полученных данных использовался t-критерий (критерий Стьюдента).

Результаты исследования

Как видно из табл. 1, наибольшее количество суицидальных попыток было совершено в интервале 20–29 лет, что имеет статистическую достоверность ($p < 0,05$).

В обеих сравниваемых группах ведущими были личностные, интерперсональные (25 набл., 41,7% и 13 набл., 32,5%) и семейные конфликты (18 набл., 30% и 13 набл., 32,5%). Статистически значимых межэтнических различий по типам суицидогенных конфликтов не выявлено. У кабардинок недостоверно чаще наблюдались личностные и интерперсональные конфликты.

Обнаружены достоверные различия в типах непатологических ситуационных реакций (эгоцентрического переключения, негативных интерперсональных отношений, психалгий). У кабардинок чаще отмечались психалгии (25 набл., 41,7%) и реакции эгоцентрического переключения (25 набл., 41,7%), у русских женщин – психалгии (15 набл.,

37,5%) и переживания негативных интерперсональных отношений (21 набл., 52,5%). Причем, статистически достоверным ($p < 0,01$) являлось преобладание эгоцентрического переключения у кабардинок и негативных интерперсональных отношений у русских женщин.

Установлено, что психическое состояние в пресуицидальном периоде у кабардинок характеризовалось превалированием агрессивных эмоций (злоба, гнев), а также переживаний стыда и позора, а у русских – обиды, отчаяния и скорби (рис. 1). Достоверным является преобладание у кабардинок эмоций стыда, позора ($p < 0,01$), а также злобы, гнева ($p < 0,05$) (табл. 2).

В содержании суицидогенных конфликтов у кабардинок ведущее место занимало несправедливое отношение (18 набл., 30%) и ревность, измена (16 набл., 26,7%). У русских женщин чаще отмечались ревность, измена (11 набл., 27,5%) и препятствие к удовлетворению ситуационной актуальной потребности (6 набл., 15%). Статистическую значимость ($p < 0,01$) имело превалирование у кабардинок несправедливого отношения.

Согласно полученным данным, наиболее частыми мотивами суицидальных попыток у кабардинок были протест и избежание, а у русских женщин –

Таблица 2

Психическое состояние в пресуицидальном периоде

	Кабардинки		Русские женщины	
	Абс.	%	Абс.	%
Обида	6	10	16	40
Отчаяние, скорбь	10	16,7	10	25
Тревога, страх	3	5	6	15
Гнев, злоба*	22	36,7	6	15
Стыд, позор**	19	31,7	2	5

Примечание: * – различия достоверны ($p < 0,05$); ** – различия достоверны ($p < 0,01$).

Таблица 1

Распределение суицидальных попыток по возрастам

Возраст	Количество
15–19 лет	34
20–29 лет	38
30–39 лет	12
40–49 лет	10
Больше 50 лет	6

избегание и призыв (рис. 2). Достоверным ($p < 0,05$) было доминирование протеста у кабардинок и призыва у русских женщин (табл. 3).

Кросс-культурное исследование позволило выявить два ведущих механизма суицидальных попыток у кабардинок в зависимости от наличия или отсутствия отклонений от культурно принятых норм поведения, уровня социализации личности, конфликтной ситуации и суицидальной мотивации.

Первый тип суицидогенеза коррелировал с отклонениями от культурно принятых норм поведения и проявлялся в двух вариантах.

При первом варианте (28 набл. 46,7%) личность кабардинок характеризовалась относительной завершенностью социализации, чертами агрессивности и импульсивности. В процессе формирующихся личностных и интерперсональных конфликтов, которые имели интрапроекцию и были связаны с любовными неудачами, психической травматизации подвергались интимные стороны личности. При этом происходили актуализация и мобилизация когнитивных аспектов «Я-концепции», затрагивавших такие компоненты идентичности, как самоуважение и самооценка с высвобождением аутоагрессивных эмоций (злости, гнева). Суицидогенный конфликт отражал противоречия между гедонистическими устремлениями, «свободно-эмансипированной» манерой поведения и их культурной неприемлемостью, вскрывал антиномичность и амбивалентность ценностных установок суицидентов. Попытки самоубийства реализовывались с включением механизма «строго карающего суперэго» (5) и обретали символическую форму психологической защиты.

Второй вариант (10 набл., 16,7%) был представлен суицидентами с незавершенностью созревания личности, поиском или кризисом идентичности. Суицидогенные конфликты, возникавшие между детьми и родителями, обладали экстрапроекцией и характеризовались тем, что поведение субъекта, согласующееся с ценностями доминирующей куль-

туры, противоречило нормам традиционной морали и встречало жесткое внешнее противодействие с угрозой применения санкций. В этих наблюдениях суицидальные попытки отражали дисгармоничный характер социализации, противоречия двух культурных паттернов поведения (традиционной и доминирующей), интернализируемых в процессе инкультурации.

В обоих вариантах агрессивные эмоциональные проявления оформлялись в ситуационные реакции типа эгоцентрического переключения с протестной мотивацией суицидальных попыток.

Второй тип суицидогенеза (16 набл., 26,7%) отличался тем, что в пресуицидальном периоде доминировали переживания стыда и позора как «особой формы фрустрации самосознания» (9). Ценностные ориентации и стереотипы поведения личности в целом соответствовали внутриэтническим культурным нормам. В результате несправедливого отношения (оскорбления личного достоинства, распространения порочащих слухов, угроза дискредитации в глазах общественного мнения) в пресуициде возникала острая манифестация стыда, которая сопровождалась сужением коммуникативных возможностей, чувством утраты личностной идентичности и, в конечном итоге, сломом всех защитных механизмов «Я». Стыд из регулятора личностной идентичности, «охранителя индивидуации и социальной адаптации» (10) превращался в энергию, активизировавшую саморазрушительные тенденции. Переживания стыда с нарастающей интенсивностью обрастали другими аффективными проявлениями (тревога, страх, тоска) со структурированием феномена душевной боли, который непосредственно предшествовал суицидальной попытке. Суицидальные попытки, связанные с переживаниями стыда, имели четко выраженную мотивацию избегания.

У русских женщин прослеживалась большая гетерогенность психологических потребностей (принадлежности к референтной группе, любви, уважения, понимания, заботе, поддержке, преодолении неудач и поражений и т.д.), подвергавшихся фрустрации. Ведущую роль в суицидогенных конфликтах у них играли психотравмирующие факторы при относительно меньшем значении особенностей личности.

По сходным механизмам осуществлялись суицидальные попытки, обусловленные супружескими

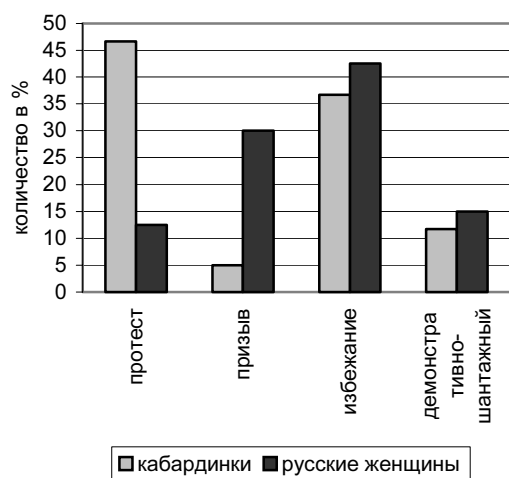

Рис. 2. Мотивы суицидальных попыток у кабардинок и русских женщин (%)

Таблица 3

	Мотивы суицидальных попыток			
	Кабардинки		Русские женщины	
	Абс.	%	Абс.	%
Протест*	28	46,7	5	12,5
Призыв*	3	5	12	30
Избегание	22	36,7	17	42,5
Демонстративно-шантажный	7	11,7	6	15

Примечание: * – различия достоверны ($p < 0,05$).

конфликтами (ревность, измена) и материальными проблемами. При последних блокировались базовые человеческие потребности с формированием экзистенциального кризиса, а суицидальные попытки приобретали мотивацию призыва.

Наши наблюдения показали, что феномен душевной боли в его наиболее очерченном виде обладал признаками этнокультурного изоморфизма. По мере нарастания глубины аффективных переживаний и формирования гомогенной структуры душевной боли, происходило стирание различий в модальностях эмоциональных переживаний, представленных на инициальных этапах суицидогенных конфликтов у представительниц двух этносов.

В постсуицидальном периоде у кабардинок (22 набл., 36,7%) достоверно чаще ($p < 0,05$), чем у русских женщин (3 набл., 7,5%) независимо от характера конфликтной ситуации отмечались диссимулятивные тенденции и установка на сокрытие факта суицидальной попытки.

Обсуждение

Кросс-культурное исследование суицидальных попыток позволило выявить ряд их особенностей у кабардинок и русских женщин, которые коррелируют с различиями в их менталитете, типом измененной психосоциальной и этнической идентичности.

Доминирование агрессивных эмоций в пресуициде у кабардинок согласуется с данными кросс-культурного исследования копинг-поведения, которые показали, что для них, по сравнению с русскими женщинами, характерны конфликты между нормами и тенденциями к агрессивному поведению, потребностью быть полноценной женщиной и эмоционально-сексуальными неудачами (13). Высокий уровень фактов сокрытия суицидальных попыток у кабардинок соответствует данным (13), указывающим на то, что они достоверно чаще, чем русские женщины, в качестве одного из защитных механизмов в конфликтных ситуациях используют отрицание, что объясняется особенностями их менталитета. Значительный удельный вес мотивации избежания стыда при суицидальных попытках в сочетании с выраженностью диссимулятивных тенденций в постсуициде, связанных с гипертрофированным страхом социальной стигматизации, являются отражением коллективистской культуры стыда кабардинского этноса.

Таким образом, наиболее специфической культурной особенностью суицидогенеза, выявленной у психически здоровых женщин кабардинской национальности, является фрустрация потребности в сохранении моральной идентичности. Это, объясняется тем, что в основе самоидентификации кабардинцев лежит страх-стыд. Моральная идентичность у них имеет высокую степень корреляции с этнической идентичностью, а «лицо» выступает социальным механизмом, обеспечивающим внутреннее соответствие и гармонию представлений личности о себе (4).

Если у представителей финно-угорской этнической группы риск суицидального поведения связан с исторически закрепившимся в их культуре терпимым отношением к самоубийству и культивацией таких черт характера, как высокая сензитивность поведенческих стереотипов по типу избегания (6, 12), то у кабардинок при ненормативности самоубийств суицидоопасность в первую очередь сопряжена с дефектами социализации, маргинальностью этнической идентичности, отклонениями от культурно принятых норм поведения и во вторую – с изначально высокой степенью сенсibilизированности выполняющих регулятивные функции социального поведения эмоций стыда, которые в стрессовых ситуациях могут приобретать аутодеструктивную направленность.

Большая гетерогенность психологических потребностей, подверженных фрустрации, и полиморфизм эмоциональных реакций в пресуициде у русских женщин соотносятся с тем, что для них более характерны конфликты между потребностями в достижениях во всех сферах жизни и невозможностью совместить требования социальных ролей (13). Меньшая представленность эмоций злости и гнева в пресуициде у русских женщин, по сравнению с кабардинками, вероятно, связана с такими чертами их культуры, как большая фемининность и несклонность к агрессивному поведению, выявленные в результате эмпирических этнопсихологических исследований (8).

Тот факт, что у русских женщин не были зафиксированы отклонения в сфере этнической идентичности, а в детерминации суицидальных попыток у них преимущественное значение имели психотравмирующие факторы, можно интерпретировать в контексте того, что основой общереспубликанской идентичности для русских, взаимодействующих с северокавказскими этносами, по данным исследователей (8), выступает не этническая принадлежность, а психологическая близость (сходство черт характера) и общность территории проживания.

Результаты наших исследований, обнаруживших этнокультурный изоморфизм душевной боли, в определенной мере согласуются с концепцией Э.Шнейдмана (15), который, придавая данному феномену универсальное значение, считал, что каждый случай суицида порождается им. Полученные данные подтверждают точку зрения различных авторов (11, 17, 23, 25), которые, говоря о важности кросс-культурного подхода в суицидологии, подчеркивают неоднозначность факторов суицидального риска в разных этнических группах. Они созвучны с теми положениями, которые указывают на роль определенных культурных измерений (28) и характера измененной этнической идентичности (21) в генезе суицидального поведения.

Выявленные культурные различия в суицидальных попытках у женщин двух этносов представляют практическую значимость в плане разработки дифференцированных программ превенции, интервенции и поственции суицидов.

Выводы

1. Кросс-культурное исследование суицидальных попыток выявило доминирование в пресуицидальном периоде эмоций гнева, злобы, а также стыда и позора у кабардинок. В постсуицидальном периоде у них достоверно чаще наблюдаются диссимулятивные тенденции.

2. У русских женщин при суицидогенных конфликтах прослеживается большее разнообразие фрустрируемых психологических потребностей и отсутствие достоверного преобладания тех или иных эмоций в пресуициде.

3. Наиболее частыми мотивами суицидальных попыток у кабардинок были протест и избегание, а у русских женщин – призыв.

4. Культурно-специфической особенностью суицидальных попыток у психически здоровых жен-

щин является фрустрация потребностей в сохранении моральной идентичности, выявленная у кабардинок.

5. При суицидальных попытках, связанных с супружескими конфликтами и материальными проблемами, этнических различий у женщин в суицидогенезе не отмечается.

6. В наиболее очерченном виде феномен душевной боли, непосредственно предшествующий суицидальной попытке у женщин, обладает этнокультурным изоморфизмом.

7. Обнаруженные межкультурные различия при суицидальных попытках у женщин отражают как особенности традиционного менталитета (у кабардинок), так и характер измененной психосоциальной и этнической идентичности двух сравниваемых этносов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А. Суицид как феномен социально-психологической дезадаптации личности // Актуальные проблемы суицидологии / Под ред. А.А.Портнова. – М., 1978. – С. 6–28.
2. Амбрумова А.Г. Психалгии в суицидологической практике // Актуальные проблемы в суицидологии / Под ред. А.А.Портнова. – М., 1978. – С. 73–93.
3. Антонова И.В. Проблемы личностной идентичности // Психология самосознания. Хрестоматия. – Самара: Издательский дом «Бахрах», 2000. – С. 471–487.
4. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999.
5. Калшед Д. Внутренний мир травмы: Архетипические защиты личностного духа. – М.: Академический проект, 2001. – 368 с.
6. Лазебник А.И. Клинико-социальные и этнокультурные особенности суицидального поведения детей и подростков в Удмуртии. Автореф. дисс. ... канд. мед. наук. – М., 2000. – 25 с.
7. Лебедева Н.М. Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // Идентичность и толерантность / Под ред. Н.М.Лебедева. – М., 2002. – С. 10–34.
8. Лебедева Н.М., Малхозова Ф.М. Социально-психологические исследования этнической толерантности в Карачаево-Черкесии // Идентичность и толерантность / Под ред. Н.М.Лебедева. – М., 2002. – С. 152–168.
9. Марио Якоби. Стыд и истоки самоуважения. – М.: Институт аналитической психологии, 2001.
10. Налчаджян А.А. Я-концепция. – Самара: Издательский дом «Бахрах», 2000. – С. 270–332.
11. Положий Б.С. Суициды в контексте этнокультурной психиатрии // Психиатрия и психофармакотерапия. – 2000. – № 6. – С. 245–247.
12. Положий Б.С., Лазебник А.И. Транскультуральные аспекты суицидального поведения детей и подростков в Удмуртии // Росс. психиатрический журн. – 2002. – № 3. – С. 55–61.
13. Таукенова Л.М. Кросскультуральные исследования личностных и межличностных конфликтов, копинг-поведения и механизмов психологической защиты у больных неврозами. Автореф. дисс. ... канд. мед. наук. – Санкт-Петербург, 1996. – 17 с.
14. Тихоненко В.А. Классификация суицидальных проявлений // Актуальные проблемы суицидологии / Под ред. А.А.Портнова. – М., 1978. – С. 73–93.

15. Шнейдман Э. Душа самоубийцы. – М.: Смысл, 2001. – 315 с.
16. Beautrais A.L. Risk factors for suicide and attempted suicide among young people // Aust. N. Z. J. Psychiatry. – 2000. – Vol. 34, N 3. – P. 420–436.
17. Chiles J.A., Strosahl K.D., Ping Z.Y. et al. Depression, hopelessness, and suicidal behavior in Chinese and American psychiatric patients // Am. J. Psychiatry. – 1989. – Vol. 146, N 3. – P. 339–344.
18. Counts D.A. Female suicide and wife abuse: a cross-cultural perspective // Suicide Life Threat Behav. – 1987. – Vol. 17, N 3. – P. 194–204.
19. Delga I., Heinszen R.K., Fritsch R.C. et al. Psychosis, aggression, and self-destructive behavior in hospitalized adolescents // Am. J. Psychiatry. – 1989. – Vol. 146, N 4. – P. 521–525.
20. Eckersley R. Failing a generation: the impact of culture on the health and well-being of youth // J. Paediatr. Child Health. – 1993. – Vol. 29, N 1. – P. 16–19.
21. Hjelmeland H., Bjerke T. Parasuicide in the county of Sor-Trondelag, Norway. General epidemiology and psychological factors // Soc. Psychiatr. Epidemiol. – 1996. – Vol. 31, N 5. – P. 272–283.
22. La Froboise T.D., Bigfoot D.S. Cultural and cognitive considerations in the prevention of American Indian adolescent suicide // J. Adolesc. – 1988. – Vol. 11, N 2. – P. 139–153.
23. La Vecchia C., Lucchini F., Levi F. Worldwide trends in suicide mortality, 1955–1989 // Acta Psychiatr. Scand. – 1994. – Vol. 90, N 11. – P. 53–64.
24. Lester D., Moksony F. Ecological correlates of suicide in the United States and Hungary // Acta Psychiatr. Scand. – 1899. – Vol. 19, N 5. – P. 498–499.
25. Milcinski L., Mrevlje G. Epidemiology of suicide in Yugoslavia – methodological questions // Med. Pregl. – 1990. – Vol. 43, N 11–12. – P. 453–456.
26. Purcell D., Thrush C.R., Blanchette P.L. Suicide among the elderly in Honolulu County: a multiethnic comparative study (1987–1992) // Int. Psychogeriatr. – 1999. – Vol. 11, N 11. – P. 57–66.
27. Tortolero S.R., Roberts R.E. Differences in nonfatal suicide behaviors among Mexican and European American middle school children // Suicide Life Threat Behav. – 2001. – Vol. 31, N 2. – P. 214–223.
28. Webster Rudmin F., Ferrada-Noli M., Skolbekken J.A. Questions of culture, age and gender in the epidemiology of suicide // Scand. J. Psychol. – 2003. – Vol. 44, N 4. – P. 373–381.

THE ROLE OF ETHNOCULTURAL FACTOR IN SUICIDE ATTEMPTS IN WOMEN

M. Kh. Kazharov

The author on the basis of structural-dynamic principle compares the characteristics of suicide attempts in mentally healthy women belonging to the biggest ethnic groups (Kabardin and Russian) in the territory of the Kabardin-Balkar Republic. Method: clinical-psychological.

The investigation reveals significant differences in prevalent emotional

experiences in the presuicidal period, as well as in motivation mechanisms of suicide attempts and in the attitude towards the attempt committed. Besides some culturally related features of suicide attempts, there are also some common mechanisms. These characteristics are discussed in the context of identity changes in the two ethnic groups compared.